

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. ПАДУЧЕВА

ЕСТЬ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ГРАММАТИЧЕСКИ ВЫРАЖЕННАЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ?*

До недавнего времени грамматическая категория эвиденциальности (иначе — засвидетельствованности) была известна русистам разве что из работы [Jakobson 1957], с ее ярким разделом о пересказывательном наклонении в болгарском языке. Но начиная с середины 90-х годов поток публикаций об эвиденциальности становится лавинообразным¹. Расширяется и спектр языков, в которых представлена эта грамматическая категория. В данной работе ставится вопрос, нельзя ли усмотреть грамматически выраженную эвиденциальность и в русском языке.

Из лекций Вяч. Вс. Иванова на филфаке МГУ в 50-е годы в нашем сознании твердо закрепились мысли, что любое явление сколь угодно экзотического языка в принципе можно продемонстрировать и на русском материале. В данном случае, однако, есть основания рассчитывать на нечто большее. Речь пойдет об одной свойственной русскому языку (а отчасти и другим славянским) морфосинтаксической конструкции. С одной стороны, рассмотрение этой конструкции в типологической перспективе, а именно, на фоне языков с грамматической эвиденциальностью, позволит раскрыть в ней дополнительное содержание. С другой стороны, для семантики грамматической эвиденциальности может оказаться полезным то, что известно о подробно описанных близких фактах русского языка.

Елена Викторовна Падучева, Всероссийский институт научной и технической информации РАН (Москва).

* Статья излагает содержание доклада, прочитанного на Международной конференции «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов», Москва, 24—26 октября 2012 г. Автор выражает благодарность всем, кто принимал участие в обсуждении доклада (прежде всего — Н. И. Лауфер и Анне А. Зализняк) и этой проблематики в целом (В. Б. Борщеву, Б. Парти, Я. Г. Тестельцу и М. М. Макарецу). Особая благодарность — анонимному рецензенту первого варианта статьи; по его замечаниям статья была существенно переработана.

¹ Статья [Lazard 1999] начинается словами: «Evidentiality seems to be currently in fashion». О неожиданном взрыве интереса к эвиденциальности см. также [Макарецов 2009].

1. Наблюденный факт

Согласно [Мельчук 1998; Aikhenvald 2004; Плунгян 2011], к семантической зоне эвиденциальности относятся показатели, указывающие на источник информации о сообщаемой ситуации; иначе — на путь доступа говорящего к информации. Различаются показатели прямого доступа, т. е. ПРЯМОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ, когда говорящий сам видел или был участником события (экспериментив), и разные виды непрямого доступа (репортатив, инферентив и прочее).

Для русского языка до последнего времени упоминались только **лексические** показатели НЕПРЯМОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ, см. в [Булыгина, Шмелев 1993] о *кажется, видимо*; в [Храковский 2007] об *оказывается*; в [Letučij 2008] о *как будто* и др. Однако в [Падучева 2004: 467—468] был приведен пример, где прямая эвиденциальность в русском языке выражена **грамматически**²:

- (1) а. *Бутылки* не было в холодильнике;
б. *Бутылка* не была в холодильнике.

Высказывание (1а), с генитивным субъектом, скорее всего, было сделано человеком, который, открыв холодильник, не обнаружил там бутылки. В [Падучева 1992] было показано, что генитивный субъект в отрицательном предложении с глаголом *быть* в локативном значении несет информацию о присутствии НАБЛЮДАТЕЛЯ в Месте³. Т. е. генитивный субъект означает, что речь идет не просто об отрицании местонахождения, а о НАБЛЮДАЕМОМ ОТСУТСТВИИ, иначе говоря — об отсутствии, которое засвидетельствовано говорящим.

На этом основании можно сказать, что предложение (1а) с генитивным субъектом выражает прямую эвиденциальность. Что же касается предложения (1б) с подлежащим в номинативе, то это может быть заключение об отсутствии Вещи в Месте, сделанное по косвенным данным (бутылка теплая), может быть знанием, полученным от третьих лиц. Во всяком случае, номинативная конструкция не включает показателя непосредственно наблюдаемого отсутствия, т. е. не маркирует прямой эвиденциальности.

В примере (1а) субъект восприятия (иначе — свидетель) — говорящий. Но субъекта восприятия не всегда можно идентифицировать однозначно. Так, в примере (2) ни из (2а), ни из (2б) не следует однозначно, что Петя сам был на елке и засвидетельствовал отсутствие Ольги. Однако (2а) и (2б)

² Идею эвиденциальной трактовки генитивной конструкции в контексте локативного *быть* предложил Я. Г. Тестелец — в ходе семинара по генитиву отрицания под руководством Барбары Парти в 2003 году.

³ Вещь и Место — это обозначение участников ситуации, описываемой бытийным предложением, равно как и предложением локализации, которое введено в [Борщев, Парти 2002].

безусловно отличаются от (2в). В самом деле, (2в) никак не означает, что отсутствие засвидетельствовано кем бы то ни было, а тогда ясно, что (2а) и (2б), напротив, подразумевают свидетеля:

- (2) а. Петька подтвердил, что *Ольги* не было на елке у Шмелевых;
- б. *Ольги* не было на елке у Шмелевых;
- в. *Ольга* не была на елке у Шмелевых.

Предложение (1а) с генитивным субъектом отличается от предложения (1б) с номинативным субъектом значением грамматических форм вида и времени. При генитивном субъекте значение вида актуально-длительное, т. е. момент наблюдения синхронный, и прошедшее время интерпретируется, скорее всего, в НАРРАТИВНОМ РЕЖИМЕ — фраза повествует о прошлом, как если бы оно проходило перед глазами. А при номинативном субъекте значение вида общефактическое: момент наблюдения ретроспективный, и прошедшее время интерпретируется в РЕЧЕВОМ РЕЖИМЕ, оно выражает предшествование МОМЕНТУ РЕЧИ, см. о режимах интерпретации [Падучева 1986; 1996], [Апресян 1986; 2003]. Эвиденциальное приращение в (1а) не вытекает из этих различий, а является о т д е л ь н ы м семантическим компонентом значения этого предложения. Однако чтобы предъявить более чистый пример, необходим дополнительный анализ.

2. О семантике глагола *быть*: локативное и экзистенциальное значение

Как известно (см., в частности, [Арутюнова 1976: 214ff; Babby 1980]), основное семантическое противопоставление, выражаемое в отрицательном предложении с помощью генитивного субъекта, имеет референциальную основу: генитив возникает в контексте экзистенциальных (иначе — бытийных) глаголов с **НЕРЕФЕРЕНТНЫМ СУБЪЕКТОМ** и выражает отрицание существования, а номинатив, напротив, выражает презумпцию существования:

- (3) а. *Сомнений* [генитив] не возникло [⇒ ‘сомнений нет’];
- б. *Сомнения* [номинатив] не исчезли [= ‘сомнения были и продолжают быть’].

Л. Бэбби утверждал, что генитивный субъект ограничен контекстом экзистенциальных глаголов (книга [Babby 1980] называется «Existential Sentences and Negation in Russian»), и генитив у **ЛОКАТИВНОГО *быть***, как в примере (1) (в отличие от экзистенциального *быть* с неререферентным субъектом), — это исключение из им же сформулированных правил, соотносящих генитив с семантикой. На самом деле, однако, генитивный субъект регулярно возникает также в контексте глаголов восприятия (таких как *наблюдаться*, *слышаться*, *чувствоваться*, *доноситься*, *най-*

тись, обнаружиться, ожидать, отмечаться, регистрироваться, слышаться, сниться, фиксироваться, оказаться и др.; это было отмечено еще в [Ицкович 1974: 65]). Причем субъектная ИГ в этом случае может быть и референтной:

(4) Что-то Маши *не наблюдается*.

Так что семантический компонент «восприятие» лицензирует в отрицательном предложении генитив субъекта почти в такой же мере, как «существование». Дело в том, что существование и наличие в поле зрения — равно как несуществование и отсутствие в поле зрения — связаны отношением регулярной многозначности (для глаголов *появиться, исчезнуть* и ряда других это отмечено в [Падучева 2004: 150]).

Как мы увидим, генитив в контексте глаголов восприятия открывает путь к объяснению генитивного субъекта у локативного *быть*.

3. Стативное и динамическое значение локативного *быть*

Согласно [Апресян 1980/1995], утвердительному предложению (5) соответствуют два отрицательных — (5а) и (5б); причем предложения (5а) и (5б) демонстрируют ограничение сочетаемости — зависимость между падежом субъекта и видом глагола: генитивный субъект — актуально-длительное (= синхронное) значение, см. (5а); номинативный субъект — общефактическое (= ретроспективное) значение, см. (5б).

(5) Отец был на море.

(5а) *Отца* не было на море.

(5б) *Отец* не был на море.

Этому «ограничению сочетаемости» было дано семантическое объяснение: в статье [Падучева 1992] утверждалось, что есть две лексемы, соответствующие локативному *быть*, — лексема *быть* 1, **стативная**, и лексема *быть* 2, **динамическая**, точнее — событийная (такие же два значения выделены у *быть* в [Апресян 1992/1995]). У лексемы *быть* 1 предполагался встроенный наблюдатель в Месте (как, например, у известного глагола *показаться*, см. [Апресян 1986]) — который и порождает генитивный субъект. Тогда предложение (5б), с лексемой *быть* 2, означает просто отрицание того, что отец был на море, а в семантику предложения (5а), с лексемой *быть* 1, входит подразумеваемый наблюдатель, так что (5а) означает, дополнительно, что наблюдатель (в речевом режиме — говорящий) его там не увидел.

Сейчас ясно, однако, что на самом деле лексема *быть* 1, стативная, не предполагает наблюдателя, а всего лишь совместима с ним. Она допускает употребление не только в генитивной конструкции, которая выражает присутствие наблюдателя, но и в номинативной, которая его не вы-

ражает, — оставаясь при этом в актуально-длительном значении, т. е. сохраняя синхронный момент наблюдения.

В аспектологии используется, не всегда в точности в одном и том же смысле, термин МОМЕНТ НАБЛЮДЕНИЯ ([Гловинская 1982: 126]; ср. также немецкий термин *Betrachtzeit*). В [Падучева 1986] момент наблюдения был сопоставлен с точкой отсчета по Рейхенбаху и представлен как временная позиция НАБЛЮДАТЕЛЯ — в смысле [Апресян 1986]. В совершенном виде наблюдатель всегда ретроспективный, а в несовершенном наблюдатель СИНХРОННЫЙ при актуально-длительном значении и РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ при общефактическом в прошедшем времени (в будущем — проспективный).

В предложении (5a), где нет обстоятельства времени, синхронный момент наблюдения устанавливается дейктически — как настоящее время наблюдателя, который находится в Месте. И именно это, т. е. присутствие наблюдателя, объясняет генитивную конструкцию с эвиденциальным значением:

(5a) Отца не было на море [генитив, лексема *быть* 1, актуально-длительное значение].

Между тем, в предложении (6) момент наблюдения фиксируется обстоятельством времени — ВКЛЮЧЕННЫМ, см. о противопоставлении включенных и объемлющих временных показателей в [Падучева 1996: 168]. Включенное обстоятельство времени обеспечивает синхронный момент наблюдения, что и создает базу для актуально-длительного значения. Но мотивировки для генитивной конструкции, т. е. наблюдателя в ситуации отсутствия, в этом случае нет.

(6) Отец не был на море, когда там началась гроза [номинатив, лексема *быть* 1, актуально-длительное значение].

Пример стативного *быть* с номинативным субъектом был впервые предложен В. Б. Борщевым — в ходе того же семинара по генитиву отрицания под руководством Барбары Парти и в продолжение исследований, отраженных, в частности, в [Борщев, Парти 2002]:

(7) Я не был в зале, когда выключили свет.

Итак, стативное *быть* 1 совместимо и с генитивной, и с номинативной конструкцией отрицания. Тем самым подтверждено чисто эвиденциальное противопоставление при неизменном аспектуальном и временном значении глагола *быть*. (О том, остается ли неизменным и лексическое значение *быть*, см. ниже раздел 4.)

Прагматическую значимость эвиденциального компонента, иначе — значения засвидетельствованности, — иллюстрирует пример (8):

(8) а. На собрании в Москве 31 октября 1958 года, где обсуждалось исключение Б. Пастернака из Союза писателей за публикацию за

границей романа Доктор Живаго, *Е. Эткинд* не был (Ефим Эткинд: переписка за четверть века, СПб, 2012: 262).

б. На собрании в Москве <...> *Е. Эткинда* не было.

Цитируемая фраза принадлежит комментатору. Сказать *На собрании в Москве* <...> *Эткинда не было* — означало бы быть или мыслить себя на собрании; или, на худой конец, иметь там доверенное лицо — что явно в намерение комментатора не входило.

Примеры (6), (7), (8б) — убедительный аргумент в пользу того, что в отрицательном предложении с лексемой *быть* локативной стативной, генитивная конструкция выражает прямую эвиденциальность, т. е. засвидетельствованность. Эти примеры отличаются от примера (1а) тем, что в них номинатив может быть противопоставлен генитиву строго по параметру эвиденциальности: видо-временные значения у *быть* в номинативной и генитивной конструкции одинаковы.

Остановимся еще на примере (9) — в нем вводное *следовательно* показывает, что говорящий делает высказывание об отсутствии и не на основе личного свидетельства, т. е. пребывания в месте; отсюда законный номинатив⁴:

(9) Мы имеем письмо Лермонтова из Пятигорска от 18 июля, следовательно, *он в это время не был в отряде* (П. А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова (1842)].

Эвиденциальный (= перцептивный) компонент в семантике генитивной конструкции с глаголом *быть* позволяет объяснить целый ряд контекстов ее употребления. Ср. пример (из [Paducheva 2008]):

(10) а. Вани нигде нет; б. *Ваня нигде.

Предложение (10б) аномально; Ваня — материальный объект, и он должен где-то находиться. Между тем (10а) абсолютно нормально: оно означает, что Вани не было ни в одном из тех мест, где я пытался его увидеть. Как сказано в [Арутюнова, Ширяев 1982: 93], «*нигде нет* лучше всего ассоциируется с ситуацией поиска».

Другой пример из [Paducheva 2008]. Предложение (11) не может быть понято буквально; но оно вполне нормально, например, в ситуации, когда я не нашел (т. е. не смог увидеть) Тегусигальпу на карте Никарагуа:

(11) ?Тегусигальпы нет в Никарагуа.

Предложения (12а) и (12б) могут удивить тем, что в (12а) генитив, который нельзя заменить на номинатив, а во втором, напротив, предпочтителен номинатив:

⁴ Этот пример, как и ряд других ниже, взят из Национального корпуса русского языка, <http://www.ruscorpora.ru/>.

(12) а. Алла почти плакала прямо здесь, на сцене: *ее не было в списке лауреатов* (Алексей Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)).

б. Хотя *наша губерния не была в списке голодающих*, но в самом городе все же было очень сурово и, пожалуй, голодно (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. (1933)).

Можно думать, дело в том, что (12а) описывает ситуацию, когда человек только что не нашел себя в списке (ср. понятие «неожиданное наблюдение», *unexpected observation* в [Lazard 1999]), а в (12б) описывается скорее свойство субъекта, чем его местонахождение; генитив не исключен, но с перцептивным приращением.

4. Эвиденциальность и контроль

Следует отметить, что примеры с маркированной эвиденциальностью часто демонстрируют еще одно противопоставление — между контролируемостью и неконтролируемостью ситуации со стороны субъекта предложения. А именно, субъект, выраженный именительным падежом, является контролером ситуации, а субъект в родительном падеже таковым не является. Иными словами, генитив превращает подлежащее из субъекта действия в объект восприятия, т. е., в каком-то смысле, в пациенс. Так, фраза (2в) *Ольга не была на елке* описывает некий акт, контролируемый субъектом, а фраза (2б) *Ольги не было на елке* фиксирует ситуацию глазами внешнего наблюдателя, который не обязательно видит в ней целеполагающего субъекта.

Можно думать, что отрицательное воздействие наблюдателя (в широком смысле — включая субъекта сознания) на агентивность субъекта носит весьма общий характер.

В [Санников 1989: 169—170] было сформулировано следующее различие между союзами А и НО (в одном из контекстов их употребления):

- (13) а. День был дождливый, но Коля не взял зонт;
б. День был дождливый, а Коля не взял зонт.

В. З. Санников считает, что союз НО указывает на *з а в и с и м о с т ь* между двумя компонентами предложения и выражает некий ненормальный ход событий; а союз А представляет события как независимые одно от другого.

В статье [Падучева 1997/2009] различие между союзами А и НО (для данного контекста их употребления) было описано более подробно. Оба союза предполагают СУБЪЕКТ СОЗНАНИЯ (который осознает противоречие, а именно, в случае союза НО — ненормальный ход событий, а в случае союза А — ненормальное сочетание ситуаций). Но у союза НО этим субъектом сознания является денотат подлежащего второго предло-

жения, который осознанно отступает от нормы, а у союза А субъект сознания — говорящий, который лишь констатирует отклонение от нормы. Так что в контексте НО «в ситуации имеется агенс, который, вообще говоря, мог бы контролировать наступление ситуации», и «союз НО означает, что ненормальный ход событий был результатом сознательного выбора этого субъекта»; а союз А не дает возможности представить ненормальность как результат сознательного выбора со стороны агенса — ненормальность совместного наступления двух событий осознается только говорящим.

Но в таком случае мы вправе констатировать следующее общее свойство генитива субъекта и союза А: и там и там агенс, попадая в сферу наблюдения или в сферу чужого сознания, отчасти утрачивает свою автономную агентивность.

В статье [Зализняк, Микаэлян 2005], которая развивает идею [Падучева 1997/2009], справедливо сказано, что союз А отнимает у субъекта КОНТРОЛЬ НАД СИТУАЦИЕЙ. Но это в точности то же самое, что делает с субъектом генитив — отнимает агентивность, превращая субъекта-агенса в объект восприятия.

Следует отметить, что субъектом, теряющим агентивность, может быть, в частности, и первое лицо. В самом деле, как неоднократно отмечалось, на себя в прошлом говорящий смотрит как на третье лицо:

- (14) а. Погода была дождливая, *но* я не взял зонт [субъект контролирует ситуацию];
 б. Погода была дождливая, *а* я не взял зонт [субъект не контролирует ситуацию].

Здесь уместно обратить внимание на функциональную общность разных употреблений генитива: генитив, противопоставленный номинативу локативного *быть*, маркирует некую **ролевую** неполноценность этого субъекта⁵; в экзистенциальных контекстах генитив маркирует **референциальную** неполноценность субъекта, см. [Partee et al. 2012].

Разумеется, различие в контролируемости работает только в случае субъектов, которые действительно могут контролировать свое перемещение. В примере (1а) — про бутылку в холодильнике — контролируемость не проходит, а наблюдаемость остается. Так что эвиденциальное противопоставление остается как общее для всех контекстов употребления генитивной конструкции при референтном субъекте.

Правда, со многими обстоятельствами места неодушевленный субъект в номинативе практически несовместим:

- (15) а. **Мой паспорт* не был в сумке \Rightarrow б. *Моего паспорта* не было в сумке.

⁵ Барбара Парти (устное сообщение) предположила, что генитиву субъекта в отрицательном предложении можно дать диатетическую трактовку.

Однако для примеров из (16) мы легко домысливаем ситуацию, когда номинативный субъект тоже возможен:

- (16) а. *Телевизор* (явно) не был в мастерской — он по-прежнему работает плохо;
б. *Этот костюм* не был в химчистке;
в. *Журнал* не был в учительской.

В контекстах, где номинатив выражает контролируемость, в прошедшем и будущем времени может возникать импликатура перемещения (контролируемого), и *быть* может быть понято в динамическом значении *быть* 2. Так что стативное значение у *быть* в составе номинативной конструкции (значение *быть* 1) гарантировано только при эксплицитном показателе включенного времени, как в примерах (6), (7).

5. Эвиденциальное приращение при других глаголах

Эвиденциальное приращение обратило на себя внимание, прежде всего, в контексте локативного *быть*. Но оно возможно и при других глаголах локализации в пространстве:

- (17) а. Этого портрета здесь раньше *не висело* [наблюдатель находится здесь сейчас и был или мыслил себя здесь раньше];
б. Этот портрет раньше *не висел* в кабинетах членов фракции КПРФ [наблюдатель не обязателен].

Предложение (18а) известно как пример языковой игры; но суть приема состоит как раз в ранее описанном отрицательном воздействии наблюдателя на агентивность субъекта:

- (18) а. Вас здесь *не стояло*;
б. Вы здесь *не стояли*.

Генитив наблюдаемого отсутствия можно усматривать также в контексте глаголов движения. Так, в (19а) — генитив, он маркирует движение К наблюдателю, а в (19б) наблюдатель расположен скорее в точке отправления, а не в точке прибытия, и генитив был бы неуместен:

- (19) а. На город за время войны *не упало* ни одной бомбы (А. Иличевский. Перс (2009)).
б. Ребята следили, чтобы ни одно зерно *не упало из* кузовов машин.

См. также примеры на базе [Babby 1980]:

- (20) а. Ни одной подлодки *не всплыло*;
б. Ни одна подлодка *не всплыла*.
(21) а. Ни одного звука *не вырвалось* из его гортани;
б. Ни один звук *не вырвался* у меня из гортани.

В предложении (22а) номинатив, поскольку наблюдатель расположен там, откуда метятся в цель, так что движение направлено ОТ наблюдателя, а не К нему. С другой стороны, можно сказать (22б); тогда наблюдатель находится в том месте, КУДА летят пули/стрелы, т. е. движение К наблюдателю, и тут употреблен генитив.

- (22) а. Ни одна стрела *не попала* в цель;
 б. Ни одной пули в меня *не попало*.

В (23) (пример на базе [Babby 1980]) генитив следует, скорее, считать неуместным, и именно потому, что трудно предположить наблюдателя, по направлению к которому было бы направлено движение:

- (23) ²Зажегся зеленый свет, но ни одной машины *не тронулось с места*.

В примерах (19)—(23) именная группа квантифицированная. Но эвиденциальное приращение от генитива такое же, как в случае конкретно-референтного субъекта в (18), (19).

6. Коммуникативная структура генитивного предложения

Номинативное и генитивное предложения с глаголом *быть* различаются, помимо всего прочего, коммуникативной структурой. А именно, номинативный субъект (например, *ни одно зерно* в (19б)) является, в смысле коммуникативной структуры, отдельной темой предложения, а генитивный субъект, как в (24), не является — уж скорее темой будет Локатив, т. е. Место⁶:

- (24) На город | не упало ни одной бомбы.

Иными словами, номинативный субъект может отличаться от генитивного еще и тем, что он выражает тему предложения. Ясно, что это возможное коммуникативное различие, равно как и акциональное, описанное в разделе 4, не отменяет эвиденциального компонента генитивной конструкции, а лишь поддерживает его.

В [Боршев, Парти 2002] и ряде других используется понятие СТРУКТУРА ПЕРСПЕКТИВЫ, близкое к коммуникативной структуре⁷: предложение в ге-

⁶ Ср. о коммуникативной структуре бытийных предложений в [Арутюнова, Ширяев 1983] и в [Borschev, Partee 2002].

⁷ В [Borschev, Partee 2002] используется метафора НАБЛЮДАЮЩЕЙ КАМЕРЫ, которая близка к понятию наблюдателя. Но наблюдающая камера предлагается как объяснение генитива отрицания для всех предложений с генитивным субъектом, в том числе — для бытийных. Между тем, наблюдатель отвечает за генитив только в контексте локативного *быть* и ряда других глаголов с референтным или квантифицированным объектом. Скажем, в предложении (3а), с нереферентным субъектом, нет наблюдателя, и генитив имеет иную семантическую мотивировку.

нитиве утверждает, что в Месте не было Вещи (конкретной или какого-то типа), а предложение в номинативе — что конкретная Вещь не была в Месте. В одном случае речь идет про Место, а в другом — про Вещь.

7. Эвиденциальность как эгоцентрическая категория

Согласно общепринятым определениям, эвиденциальный показатель маркирует источник информации, на основании которого *говорящий* делает *утверждение* о соответствующей ситуации. Так, в [Мельчук 1998: 199] дается следующее определение грамматической эвиденциальности: «Категория эвиденциальности маркирует источники информации, выражаемой говорящим во время речевого сообщения». Это определение вызывает ряд вопросов.

Первый вопрос — почему речь идет только об *утверждениях*? Разве невозможны показатели эвиденциальности, скажем, в контексте *вопроса*, который не есть сообщение информации? Некоторые идеи в этом направлении уже были высказаны. Так, есть статья [Cohen, Krifka 2011], где речь идет о семантике эвиденциальных показателей в разных типах речевых актов. Здесь, безусловно, есть интересные задачи. Ср., например, слова *явно* и *очевидно*, которые оба выражают, лексически, прямую эвиденциальность, но *очевидно* допустимо в вопросе, а *явно* — нет:

- (25) а. Вы, *очевидно*, не читали эту книжку?
б. *Вы *явно* не читали эту книжку?

Второй вопрос касается фигуры говорящего. Показатель эвиденциальности — это эгоцентрик. Многие (хотя и не все) эгоцентрические (иначе — индексальные) слова и категории, которые в своем первичном употреблении ориентированы на говорящего, могут употребляться также в контекстах, где подразумеваемым или потенциальным носителем пропозициональной установки является вовсе не говорящий, см. [Падучева 2011]. Так, есть НЕКАНОНИЧЕСКИЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ, например, НАРРАТИВ, где говорящего нет вообще, а есть его заместители — это может быть повествователь или персонаж, причем для понимания текста существенно, кто именно. Есть ГИПОТАКСИЧЕСКИЙ контекст (*embedded position*).

Вопрос о синтаксической подчинимости (*embeddability*) эвиденциальных показателей был поставлен в [Schenner 2012], где говорится: “*embedded evidentials <...> may give rise to unexpected readings and provide interesting challenges to many purely root-clause-informed approaches to evidentials.*” О подчинимости вводных слов см. [Падучева 1996: 310—320; Potts 2005] и др. Эта проблематика концентрируется вокруг понятия *main clause phenomena*, см. [Aelbrecht, Haegeman, Nye 2012].

Тут можно вернуться к тому же речевому акту вопроса: известно, что вопрос во многом переносит ориентацию эгоцентриков с говорящего на

слушающего (см., например, [Падучева 1996: 268]). Так что употребление эвиденциальных показателей в контекстах, где подразумеваемый носитель пропозициональной установки не совпадает с говорящим, заслуживает внимания.

Короче говоря, эвиденциальный показатель — это эгоцентрик, и он должен быть рассмотрен на фоне того, что нам уже известно о других эгоцентрических элементах языка. В языках с описанной грамматической категорией эвиденциальности эвиденциальный показатель ориентирован исключительно на говорящего, т. е. ведет себя как первичный, чистый эгоцентрик. Теоретически не исключено, что показатели грамматической эвиденциальности действительно являются первичными эгоцентриками и подразумевают именно говорящего. Но это надо доказать. Ясно, что для русских эвиденциальных показателей это не так. Например, *явно* в примере (25б) — первичный эгоцентрик и не допускает вопросительной проекции, а субъект *очевидно* — вторичный и ее допускает. Русская конструкция с генитивом наблюдаемого отсутствия показывает, что эвиденциальный показатель может вести себя как вторичный эгоцентрик, т. е. подвергаться разным видам проекции.

В работах [Friedman 2005] и [Friedman 2012] предложена схема грамматически выраженных эвиденциальных противопоставлений, характерная для целого ряда балканских языков, которая существенно отлична от традиционной. Это так наз. «балканский тип» эвиденциальности, который выдвигает на более центральное место (ад)миративность. Существенно, что в работах Виктора Фридмана приводятся данные о том, что семантика эвиденциального показателя может быть разной в утверждении и в вопросе; в диалоге и в нарративе. Иными словами, эти работы прокладывают путь к рассмотрению эвиденциального показателя как полноценного эгоцентрика.

Стоит заметить, что дейксис тоже поначалу связывали только с говорящим. Один из трех примеров вторичного дейксиса, т. е. дейксиса, ориентированного на наблюдателя, в [Апресян 1986] — это глаголы типа *белеть*. Между тем ранее, в статье [Булыгина 1982: 15], про эти глаголы говорилось, что они дают «эффект соприсутствия» говорящего и «могут функционировать только в предикациях, описывающих конкретную, “актуальную” ситуацию, в которой находится (или в которую помещает себя) говорящий». Возможно, и эвиденциальность перестнет однозначно связываться с говорящим по мере того, как в рассмотрение включится более широкий круг фактов, в частности, лексические показатели эвиденциальности.

Принципиальное свойство наблюдателя, ответственного за эвиденциальный компонент в семантике генитивного субъекта, состоит в том, что он имеет локализацию в пространстве. Он находится в Месте — или, во всяком случае, имеет Место в своем поле зрения или в своей ЛИЧНОЙ СФЕРЕ⁸.

⁸ Понятие Личная сфера говорящего — из [Апресян 1986], где оно иллюстрируется, в частности, таким примером: говорящий может употребить прошедшее

(Этим наблюдатель в семантике генитивной конструкции отличается, например, от наблюдателя в семантике вида, который не имеет определенной пространственной локализации, см. [Падучева 1986]). Релевантность личной сферы демонстрирует пример (26) из [Падучева 1992]; предложение (26б) ничуть не аномально, но для человека, у которого Париж — постоянное место жительства, т. е. входит в его личную сферу. При этом наблюдатель уже не субъект восприятия, а СУБЪЕКТ СОЗНАНИЯ ([Падучева 1996: 262ff]):

- (26) а. *Меня* не было в Москве;
б. **Меня* не было в Париже.

Иное дело наблюдатель в примере из [Зализняк 2003]:

- (27) а. *Я* завтра на работе не буду.
б. *Меня* завтра на работе не будет.

Фраза (27б) — это тоже генитив наблюдаемого отсутствия в контексте 1-го лица. Но наблюдатель не я (который МЫСЛЮ себя в Месте, поскольку это Место входит в мою личную сферу, как в (26)), а люди, которые там завтра будут: это они меня не увидят.

В типологии наблюдателей, предлагаемой в [Fontanille 1989], предусматривается «не персонифицированный» наблюдатель, как «концептуальный центр» повествования, не воплощенный ни в каком лице. Представляется, однако, что там, где контекст не предоставляет естественного наблюдателя отсутствия, генитивная конструкция может показаться употребленной неуместно⁹:

- (28) Несмотря на полученное приглашение присутствовать на трибуне, *меня там не было*, и выступление Ленина я не слушал: я спал, или — вернее — дрых до трех часов пополудни (Ю. П. Анненков. Дневник моих встреч (1966)).

В [Апресян 1986] был предложен тест, который демонстрирует присутствие наблюдателя в лексической семантике глагола *показаться*. Этот наблюдатель проявляет себя в ограничениях на замену 3-го лица на 1-е при определенном режиме интерпретации предложения. Выстраивается следующая триада:

время в предложении *Володя любил гулять в Летнем саду* не потому, что сомневается в том, что Володя жив или сохранил эту привычку, а только потому, что Володя выбыл из его личной сферы. В терминологии из [Fillmore 1971], это home based factor.

⁹ Впрочем, возможно другое объяснение неуместности генитива в этом контексте: естественно было бы сказать «несмотря на полученное приглашение, я не пошел», т. е. предпочтительность номинативной конструкции можно объяснить ее большей агентивностью, см. раздел 4.

- (29) а. На дороге показался *всадник*;
 б. *На дороге показался *я*;
 в. Он говорит, что именно в этот момент на дороге показался *я*.

Предложение (29а), с 3-м лицом субъекта, нормально. При замене 3-го лица на 1-е возникает аномальное (29б). Очевидно, аномалия возникает из-за того, что говорящий оказывается субъектом восприятия самого себя, притом на отдаленном расстоянии. Однако аномалия имеет место только в рамках канонической коммуникативной ситуации — которую мы склонны предполагать для изолированного предложения (29а). В гипотаксическом контексте, см. (29в), аномалия пропадет — очевидно, потому, что подразумеваемым субъектом восприятия оказывается теперь не говорящий, а субъект матричного предложения (см. о гипотаксической проекции в [Падучева 2011]).

Можно показать, что в семантику отрицательного предложения с генитивным субъектом глагола *быть* наблюдатель входит ровно в таком же смысле, в каком он был продемонстрирован на глаголе *показаться* — как участник, занимающий определенное место в денотативном пространстве ситуации. Для предложения с генитивной конструкцией отрицания выстраивается аналогичная триада:

- (30) а. *Вани* нет дома;
 б. **Меня* нет дома;
 в. Ему сказали, что *меня* нет дома.

Предложение (30б) не то, чтобы аномально, но подразумевает интерпретацию, так сказать, в духе несобственной прямой речи. В самом деле, в прямом понимании оно противоречиво: содержит утверждение говорящего о том, что его нет дома, и одновременно компонент — в каком-то неассертивном статусе, — что он находится дома в роли наблюдателя этого отсутствия. Опять-таки, в (30в) аномалия пропадает, поскольку подразумеваемый субъект наблюдения (находящийся в доме) тут не говорящий, а субъект матричного предложения. Таким образом, присутствие наблюдателя в (30а) доказывается тем же приемом, каким оно было доказано в (29а). В гипотаксическом контексте генитивный субъект 1-го лица более чем естествен:

- (31) — Вы видели, что *меня* там не было, коли сами там были (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).

Итак, мы можем заключить, что значение эвиденциальности (или, что то же, засвидетельствованности, наблюдаемости) может быть выражено в русском языке не только лексическими, но и грамматическими средствами — генитивной конструкцией отрицания. Правда, в ограниченном контексте — у небольшого числа стативных и моментальных глаголов, которые допускают генитивную конструкцию с конкретно-референтным субъектом.

Разумеется, эвиденциальность не является в русском языке грамматической категорией: маркировка присутствия наблюдателя, даже при отрицании в составе упомянутого ограниченного класса глаголов, не является обязательной — предложение (2в), с номинативной конструкцией, может быть употреблено и в том случае, если Петька сам был на елке и может засвидетельствовать отсутствие Ольги. Тем более нельзя сказать, что номинативная конструкция выражает косвенную эвиденциальность: фраза (1б) может быть сказана и в таком контексте, когда информация, сообщаемая говорящим, является его прямым знанием, а не заключением по косвенным данным.

Следует также отметить возможную особенность статуса русского эвиденциального показателя. В языках с грамматической эвиденциальностью показатель прямого доступа обычно выражает максимальную степень ответственности говорящего за достоверность информации и является немаркированным членом эвиденциального противопоставления. Между тем в русском языке ссылка на тип доступа, в том числе и на прямой доступ («Я сам видел»), скорее снижает достоверность информации:

- (32) Шеварднадзе проезжал по улицам Тбилиси стремительно, его автомобиль с четырех сторон облепляли (*сам видел*) машины охраны (П. Сиркес. Труба исхода (1990—1999)).

В самом деле, в русском языке, как и во многих других, действует постулат о том, что в утвердительном высказывании с индикативным наклоном говорящий несет ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО: высказывание Р влечет ‘я знаю, что Р’ или ‘я считаю, что Р’ — в зависимости от типа предикации Р. Так, если предикация Р носит оценочный характер, то реализуется второй вариант. Отсюда известный ПАРАДОКС МУРА [Wittgenstein 1953/2009]: высказывание *Она красива, но я так не считаю* аномально — поскольку *Она красива* значит, вообще говоря, ‘я считаю, что она красива’. Грамматически выраженная наблюдаемость в русском языке тем более не увеличивает степени достоверности информации.

Так или иначе, можно думать, что в типологии способов выражения эвиденциальности пригодится тот опыт, который накоплен исследователями русского языка в сфере эгоцентрической семантики. Русский язык демонстрирует родство понятий «прямая засвидетельствованность» и «наблюдаемость», однако бросается в глаза следующее. В русском языке наблюдатель — это вторичный эгоцентрик: роль наблюдателя может выполнять, в разных режимах, не только говорящий, но и другие лица. Между тем в существующих описаниях грамматической эвиденциальности ее субъектом может быть только говорящий. Так ли это на самом деле, т. е. действительно ли субъект грамматической эвиденциальности является первичным (жестким) эгоцентриком, следовало бы проверить.

И второе. В русском языке наблюдатель, т. е. субъект восприятия, проявляет себя почти так же, как субъект сознания. И в самом деле, имеется

естественный семантический сдвиг, по которому глагол со значением ‘видеть’ в русском (как, впрочем, и во многих других языках) употребляется также в значении ‘понимать’, ср. известный пример Анны Вежбицкой *Я вижу, Джона здесь нет*. Между тем в языках с грамматической эвиденциальностью это семантическое сближение, видимо, не должно иметь место, если наблюдаемое и выведенное как следствие (или просто известное) грамматически противопоставлены.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1980 — Ю. Д. А п р е с я н. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Wiener Slawistischer Almanach. SBd. 1. Wien, 1980.

Апресян 1986 — Ю. Д. А п р е с я н. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—33.

Апресян 1992/1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексикографические портреты (на примере глагола БЫТЬ) // Научно-техническая информация. Серия 2. № 3; М., 1995. С. 503—537. (Перепечатано в: Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995).

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.

Апресян 2003 — Ю. Д. А п р е с я н. Лингвистическая терминология Словаря // Ю. Д. А п р е с я н и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. М., 2003. С. XVIII—XLIX.

Арутюнова 1976 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова, Ширяев 1983 — Н. Д. А р у т ю н о в а, Е. Н. Ш и р я е в. Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983.

Борщев, Парти 2002 — В. Б. Б о р щ е в, Б. Х. П а р т и. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002.

Булыгина 1982 — Т. В. Б у л ы г и н а. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. М., 1982. С. 7—85.

Булыгина, Шмелев 1993 — Т. В. Б у л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 78-82.

Гловинская 1982 — М. Я. Г л о в и н с к а я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Зализняк 2003 — Анна А. З а л и з н я к. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Рус. яз. в науч. осв. № 5, 2003. С. 85—105.

Зализняк, Микаэлян 2005 — Анна А. З а л и з н я к, И. Л. М и к а э л я н. Русский союз *a* как лингвоспецифичное слово // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог’2005. М., 2005. С. 153—159.

Ицкович 1974 — В. А. И ц к о в и ч. Очерки синтаксической нормы // Синтаксис и норма. М., 1974. С. 43—106.

Макарцев 2009 — М. М. М а к а р ц е в. Категория эвиденциальности в балканских языках: современный взгляд на проблему // Славяноведение. № 2. 2009. С. 74—90.

Мельчук 1998 — И. А. М е л ь ч у к. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва — Вена, 1998.

Падучева 1986 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413—424. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/OL/A86-5_.pdf.

Падучева 1992 — Е. В. П а д у ч е в а. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола быть // *Russian Linguistics*. Vol. 16. 1992. С. 53—63.

Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. (2-е изд. — 2010. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>).

Падучева 1997/2009 — Е. В. П а д у ч е в а. Об эгоцентрической семантике союзов А и НО // *Славянские сочинительные союзы*. М., 1997. (Перепеч. в: Е. В. П а д у ч е в а. Статьи разных лет. М., 2009. С. 442—451).

Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>.

Падучева 2011 — Е. В. П а д у ч е в а. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // ВЯ. № 3. 2011. С. 3—18. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/egocentrals.pdf>.

Плунгян 2011 — В. А. П л у н г я н. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Санников 1989 — В. З. С а н н и к о в. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.

Храковский 2007 — В. С. Х р а к о в с к и й. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // В. С. Храковский (изд.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб., 2007. С. 600—632.

Aelbrecht, Haegeman, Nye 2012 — L. Aelbrecht, L. Haegeman, R. Nye (eds.). *Main clause phenomena: New horizons*. Amsterdam; Philadelphia, 2012.

Aikhenvald 2004 — A. Y. A i k h e n v a l d. *Evidentiality*. Oxford, 2004.

Babby 1980 — L. H. B a b b y. *Existential Sentences and Negation in Russian*. Ann Arbor, 1980.

Borschev, Partee 2002 — V. B o r s c h e v, B. H. P a r t e e. The Russian genitive of negation: Theme-Rheme structure or perspective structure? // *Journal of Slavic Linguistics* 2002. V. 10. P. 105—144.

Cohen, Krifka 2011 — A. C o h e n, M. K r i f k a. “Superlative Quantifiers as Modifiers of Meta-Speech Acts” // *The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication* / Ed. by Barbara Partee, Michael Glanzberg, and Jurgis Skilters. Vol. 6. Manhattan, KS, 2011. P. 1—56.

Fillmore 1968 — Ch. J. Fillmore. Lexical entries for verbs // *Foundations of Language*. Vol. 4. № 4. 1968. P. 373—393.

Fillmore 1971 — Ch. J. Fillmore. How to know whether you're coming or going // *Linguistik*. Athenäum, 1971. P. 369—379.

Fontanille 1989 — J. F o n t a n i l l e. *Les espaces subjectifs. Introduction à la sémiotique de l'observateur (discours, peinture, cinéma)*. Paris, 1989.

Friedman 2005 — V. F r i e d m a n. Admirativity: Between modality and evidentiality // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Vol. 58. № 1. P. 26—37.

Friedman 2012 — V. F r i e d m a n. Perhaps Mirativity is Phlogiston, but Admirativity is Perfect: On Balkan Evidential Strategies // *Linguistic Typology*. Vol. 16. № 3. P. 505—527.

Jakobson 1957 — R. Jakobson. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge; Harvard, 1957. Рус. пер.: Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / Отв. ред. О. Г. Ревзина. М., 1972. С. 95—113.

Lazard 1999 — G. Lazard. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? *Linguistic Typology*. 3. 1999. P. 91—109.

Letučij 2008 — A. Letučij. Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность // *Wiener Slawistischer Almanach*. SBd. 72. Wien, 2008. P. 215-238.

Paducheva 2008 — E. V. Paducheva. Locative and existential meaning of Russian *быть* // *Russian linguistics*, 2008, Vol. 32. № 3. P. 147—158.

Paducheva 2010 — E. V. Paducheva. Subject-Predicate inversion and its cognitive sources // *Russian linguistics*. Vol. 34. 2010. P. 113—121.

Partee et al. 2012 — B. H. Partee, V. Borschev, E. V. Paducheva, Y. Testellets, and I. Yanovich, 2012. The Role of verb semantics in genitive alternations: Genitive of Negation and Genitive of Intensionality // *The Russian Verb*. Oslo Studies in Language 4 (1). P. 1—29. <http://www.journals.uio.no/osla>.

Potts 2005 — Ch. Potts. *The Logic of Conventional Implicatures*. Oxford Studies in Theoretical Linguistics. Oxford, 2005.

Schenner 2012 — M. Schenner. Structures for Interpreting Evidentials. International workshop “The nature of evidentiality”, Leiden, The Netherlands, 14-16 June 2012. <http://media.leidenuniv.nl/legacy/schenner-mathias.pdf>.

Wittgenstein 1953/2009 — L. Wittgenstein. *Philosophical investigations*. Oxford, 1953 (4th ed. — 2009).

References

Aelbrecht, Haegeman, Nye 2012 — L. Aelbrecht, L. Haegeman, R. Nye (eds.). *Main clause phenomena: New horizons*. Amsterdam; Philadelphia, 2012.

Aikhenvald 2004 — A. Y. A i k h e n v a l d. *Evidentiality*. Oxford, 2004.

Apresyan 1980 — Yu. D. A p r e s y a n. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // *Wiener Slawistischer Almanach*. SBd. 1. Wien, 1980.

Apresyan 1986 — Yu. D. A p r e s y a n. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira // *Semiotika i informatika*. Vyp. 28. Moskva, 1986. S. 5—33.

Apresyan 1992/1995 — Yu. D. A p r e s y a n. Leksikograficheskiye portrety (na primere glagola BYT) // *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya Ser. 2. № 3*. Moskva, 1995. S. 503—537. (Perepechatano v: Yu. D. Apresyan. *Izbrannyye trudy*. T. 2. Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moskva, 1995).

Apresyan 1995 — Yu. D. A p r e s y a n. *Izbrannyye trudy*. T. 2. Moskva, 1995.

Apresyan 2003 — Yu. D. A p r e s y a n. *Lingvisticheskaya terminologiya Slovarya* // Yu. D. Apresyan i dr. *Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka*. Tretiy vypusk. Moskva, 2003. S. XVIII—XLIX.

Arutyunova 1976 — N. D. A r u t y u n o v a. *Predlozheniye i yego smysl*. Moskva, 1976.

Arutyunova, Shirayev 1983 — N. D. A r u t y u n o v a, Ye. N. S h i r y a y e v. *Russkoye predlozheniye: Bytiynny tip*. Moskva, 1983.

Babby 1980 — L. H. B a b b y. *Existential Sentences and Negation in Russian*. Ann Arbor, 1980.

Borshev, Partee 2002 — V. B o r s h c h e v, B. H. P a r t e e. The Russian genitive of negation: Theme-Rheme structure or perspective structure? // *Journal of Slavic Linguistics* 2002. V. 10. P. 105—144.

Borshchev, Partee 2002 — V. B. B o r s h c h e v, B. P a r t e e. O semantike bytynykh predlozheniy // *Semiotika i informatika*. Vyp. 37. Moskva, 2002.

Bulygina 1982 — T. V. B u l y g i n a. K postroyeniyu tipologii predikatov v rusском yazyke // *Semanticheskiye tipy predikatov*. / *Otv. red. O. N. Seliverstova*. Moskva, 1982. S. 7—85.

Bulygina, Shmelev 1993 — T. V. B u l y g i n a, A. D. S h m e l e v. Gipoteza kak myslitelnyy i rechevoy akt // *Logicheskiy analiz yazyka. Mentalnyye deystviya*. Moskva, 1993.

Cohen, Krifka 2011 — A. C o h e n, M. K r i f k a. “Superlative Quantifiers as Modifiers of Meta-Speech Acts” // *The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication* / Ed. by Barbara Partee, Michael Glanzberg, and Jurgis Skilters. Vol. 6. Manhattan, KS, 2011. P. 1—56.

Fillmore 1968 — Ch. J. F i l l m o r e. Lexical entries for verbs // *Foundations of Language*. Vol. 4. № 4. 1968. P. 373—393.

Fillmore 1971 — Ch. J. F i l l m o r e. How to know whether you're coming or going // *Linguistik*. Athenäum, 1971. P. 369—379.

Glovinskaya 1982 — M. Ya. G l o v i n s k a y a. Semanticheskiye tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo glagola. Moskva, 1982.

Fontanille 1989 — J. F o n t a n i l l e. Les espaces subjectifs. Introduction à la sémiotique de l'observateur (discours, peinture, cinéma). Paris, 1989.

Friedman 2005 — V. F r i e d m a n. Admirativity: Between modality and evidentiality // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Vol. 58. № 1. P. 26—37.

Friedman 2012 — V. F r i e d m a n. Perhaps Mirativity is Phlogiston, but Admirativity is Perfect: On Balkan Evidential Strategies // *Linguistic Typology*. Vol. 16. № 3. P. 505—527.

Ickovich 1974 — V. A. I c k o v i c h. Ocherki sintaksicheskoy normy // *Sintaksis i norma*. Moskva, 1974. S. 43—106.

Jakobson 1957 — R. J a k o b s o n. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge; Harvard, 1957. Rus. per.: Jakobson R. Shiftery, glagolnyye kategorii i russkiy glagol // *Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* / *Otv. red. O. G. Revzina*. Moskva, 1972. C. 95—113.

Khrakovskiy 2007 — V. S. K h r a k o v s k i y. Evidencialnost, epistemicheskaya modalnost, (ad)mirativnost // V. S. Khrakovskiy (izd.). *Evidencialnost v yazykakh Evropy i Azii*. Sbornik statey pamyati N. A. Kozincevoy. Sankt-Peterburg, 2007. S. 600—632.

Lazard 1999 — G. L a z a r d. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? *Linguistic Typology*. 3. 1999. P. 91-109.

Letučij 2008 — A. L e t u č i j. Svrnitelnyye konstrukcii, irrealis i evidencialnost // *Wiener Slawistischer Almanach*. SBd. 72. Wien, 2008. P. 215—238.

Makarcev 2009 — M. M. M a k a r c e v. Kategoriya evidencialnosti v balkanskikh yazykakh: sovremennyy vzglyad na problemu // *Slavyanovedeniye*. № 2. 2009. S. 74—90.

Melchuk 1998 — I. A. M e l c h u k. Kurs obshchey morfologii. T. 2. Moskva — Wien, 1998.

Paducheva 1986 — Ye. V. P a d u c h e v a. Semantika vida i tochka otseta // *Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz.* 1986. T. 45. № 5. S. 413—424. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/OL/A86-5_.pdf.

- Paducheva 1992 — Ye. V. Paducheva. O semanticheskom podkhode k sintaksisu i genitivnom subyekte glagola byt // Russian Linguistics. Vol. 16. 1992. S. 53—63.
- Paducheva 1996 — Ye. V. Paducheva. Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa. Moskva, 1996. (2-e izd. — 2010. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/PaduSemantIssl1996.pdf>).
- Paducheva 1997/2009 — Ye. V. Paducheva. Ob egocentricheskoy semantike soyuzov A i NO // Slavyanskiye sochinitelnyye soyuzy. Moskva, 1997. (Perepech. v: Ye. V. Paducheva. Stati raznykh let. Moskva, 2009. S. 442—451).
- Paducheva 2004 — Ye. V. Paducheva. Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki. Moskva, 2004. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/PaduDinamMod2004.pdf>.
- Paducheva 2008 — E. V. Paducheva. Locative and existential meaning of Russian быть // Russian linguistics, 2008, Vol. 32. № 3. P. 147—158.
- Paducheva 2010 — E. V. Paducheva. Subject-Predicate inversion and its cognitive sources // Russian linguistics. Vol. 34. 2010. P. 113—121.
- Paducheva 2011 — Ye. V. Paducheva. Egocentricheskiye valentnosti i dekonstrukciya govoryashchego // Voprosy yazykoznaniiya. № 3. 2011. S. 3—18. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/egocentrals.pdf>.
- Partee et al. 2012 — B. H. Partee, V. Borschey, E. V. Paducheva, Y. Testelet, and I. Yanovich. The Role of verb semantics in genitive alternations: Genitive of Negation and Genitive of Intensionality // The Russian Verb. Oslo Studies in Language 4 (1). 2012. P. 1—29. <http://www.journals.uio.no/osla>.
- Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira. Moskva, 2011.
- Potts 2005 — Ch. Potts. The Logic of Conventional Implicatures. Oxford Studies in Theoretical Linguistics. Oxford, 2005.
- Sannikov 1989 — V. Z. Sannikov. Russkiye sochinitelnyye konstrukcii. Semantika. Pragmatika. Sintaksis. Moskva, 1989.
- Schener 2012 — M. Schener. Structures for Interpreting Evidentials. International workshop “The nature of evidentiality”, Leiden, The Netherlands, 14—16 June 2012. <http://media.leidenuniv.nl/legacy/schener-mathias.pdf>.
- Wittgenstein 1953/2009 — L. Wittgenstein. Philosophical investigations. Oxford, 1953 (4th ed. — 2009).
- Zaliznyak 2003 — Anna A. Zaliznyak. Schastye i naslazhdeniye v russkoy yazykovoy kartine mira // Rus. yaz. v nauch. osv. № 5. 2003. S. 85—105.
- Zaliznyak, Mikaelyan 2005 — Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelyan. Russkiy soyuz *a* kak lingvospecificchnoye slovo // Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoy konferencii Dialog’2005. Moskva, 2005. S. 153—159.

Резюме

В статье показано, что значение эвиденциальности может быть выражено в русском языке грамматическими средствами — генитивной конструкцией отрицания. Следует оговорить, что противопоставление возможно в ограниченном контексте — в контексте небольшого числа стативных и моментальных глаголов, которые допускают генитивную конструкцию при конкретно-референтном или квантифицированном субъекте. В этом контексте номинативная конструкция выражает просто отсутствие, а генитивная — наблюдаемое отсутствие, т. е. наличие наблю-

дателя. В типологическом плане интересно, что в русском языке наблюдатель — это мягкий эгоцентрик: роль наблюдателя может выполнять, в разных режимах, не только говорящий, но и другие лица. Возникает вопрос относительно субъекта эвиденциальности в языках, где эвиденциальность — грамматическая категория: верно ли, что субъект грамматической эвиденциальности всегда говорящий, т. е. жесткий эгоцентрик?

Ключевые слова: эвиденциальность, наблюдатель, наблюдаемое отсутствие, мягкие и жесткие эгоцентрики

ELENA V. PADUCHEVA

**IS THERE GRAMMATICALLY EXPRESSED
EVIDENTIALITY IN RUSSIAN?**

In this paper it is demonstrated that evidentiality can be expressed in Russian by grammatical means, namely, with the help of a grammatical construction called “Genitive of Negation”. It should be specified that the opposition is only possible in a limited context of several stative and momentary verbs of location and appearance that allow “Genitive of Negation” for a referential or quantified subject. In this context Nominative expresses simple absence, while Genitive expresses OBSERVED ABSENCE, i.e. the presence of the OBSERVER as a participant of the situation. From the typological point of view it is interesting that in Russian the observer is a FLEXIBLE (= MILD, = SECONDARY) egocentric: the role of the observer can be fulfilled, in different registers of interpretation, not only by the SPEAKER but also by other subjects. The question is, whether in languages with grammatical evidentiality it is always the case that the role of the subject of evidentiality can **only** be fulfilled by the speaker, so that the subject of evidentiality is a RIGID (= HARD, = PRIMARY) egocentric?

Keywords: evidentiality, observer, observed absence, shiftable and hard egocentrics.

Всероссийский Институт научной
и технической информации РАН
125190, Москва, Усиевича 20

All-Russian Institute of Scientific
and Technical Information,
Russian Academy of Sciences,
20, Usievicha, Moscow 125190, Russia

Статья поступила 17.11 2012

Received on 17.11 2012